

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2024.96.2.002

А. В. Мартынюк

Независимый исследователь, Минск, Беларусь. a.martyniuk@mail.ru

НЕМЕЦКИЙ КРЕСТОНОСЕЦ В БИТВЕ НА РЕКЕ КАЛКЕ: ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ?

В статье на примере поэмы «Ортнит и Вольфдитрих» рассматривается вопрос о появлении в XIII в. в немецком героическом эпосе фигуры «Ильи Русского», в которой исследователи видят отражение образа Ильи Муромца. Высказывается предположение, что проникновение в Германию подобных сведений было связано с тем резонансом, который имела битва на реке Калке в 1223 г. На основании семейной легенды рода фон Плауэн предлагается версия об участии в этой битве реальной исторической личности – Генриха из Вейды (упоминается в источниках в 1209–1246 гг.), родоначальника династии фогтов фон Плауэн и их линии «русские фон Плауэны». *Ключевые слова:* немецкий героический эпос, поэма «Ортнит и Вольфдитрих», «король Илья Русский», Илья Муромец, битва на Калке, Пятый крестовый поход, «русские фон Плауэны», Генрих из Вейды

Период второй половины XII – начала XIII в. был временем интенсивного культурного контакта между землями Германии и Руси. Императоры Священной Римской империи поддерживают дружеские связи с русскими князьями¹ и посылают им мастеров, которые строят белокаменные соборы во Владимиро-Суздальской земле [Иоаннисян], в немецкий эпос проникают сведения о Руси – далекой и сказочной, но отнюдь не враждебной стране [Keller], а в русское летописание – отголоски немецких героических сказаний про «злого Дедрика Бернского»² (см. также: [Клейненберг]). Складывается впечатление, что Германия и Русь находились на пороге какого-то качественного скачка в своих взаимоотношениях. Эти процессы были прерваны катастрофой монгольского нашествия и последующей изоляцией земель Руси³. Обратимся

¹ Вероятно, одним из наиболее ярких примеров является сообщение Ипатьевской летописи о встрече императора Фридриха Барбароссы на пути в Святую землю в 1190 г. с галицким князем Владимиром, сыном Ярослава «Осмомысла»: узнав, что Ярослав приходится племянником великого князя Всеволода Юрьевича Суздальского, император «прия его с любовью и с великою честью» (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 666). Чуть далее летописец с нескрываемой симпатией отзываясь о Фридрихе Барбароссе, которому ангел велел идти «биться за Гроб Господень», и о немецких крестоносцах, которые «яко мученици святии, пролиша кровь свою за Христа» (Там же. Стб. 667).

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 49.

³ Конечно, разрыв политических и культурных связей Руси с ее западными соседями, в том числе и с Германией, не был одномоментным – достаточно вспомнить активную внешнюю политику князя Даниила Романовича «Галицкого», в частности попытку его сына Романа утвердиться в Австрийском герцогстве в 1252–1253 гг.

к одному из сюжетов, который давно известен исследователям, но до сих пор не получил удовлетворительной интерпретации.

В научной литературе было обращено внимание на появление в немецком героическом эпосе в первой половине XIII в. фигуры «Ильи Русского», в котором исследователи не без основания видят былинного Илью Муромца (см., например: [Веселовский; Глазырина]). Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что эти упоминания об Илье предшествуют не только записи былинного эпоса в XVIII–XIX вв., но и упоминаниям «Ильи Муравлена» в XVI в. Итак, это очень ранние, *первые* сведения о былинном богатыре Илье. Основанием для их появления в немецком эпосе должно было стать какое-то экстраординарное событие. Сделаем необходимую оговорку: данная проблематика может быть рассмотрена с литературоведческой точки зрения, с помощью инструментария филологической науки – заимствование сюжетов, мотивов и проч. Но в рамках этой публикации мы рассматриваем ее с точки зрения историка: нас интересуют исторические условия, в которых такие заимствования стали возможны, и конкретные исторические фигуры, которые могли быть трансляторами сведений.

Сконцентрируем внимание на одном из литературных памятников, в котором фигура Ильи появляется не эпизодически, а занимает одно из центральных мест. Речь идет о поэме «Ортнит и Вольфдитрих» («*Ortnit und Wolfdietrich*»)⁴. Король Ортнит, главный герой первой части поэмы (две части поэмы являются самостоятельными произведениями, связанными между собой чисто формально; далее мы будем говорить просто об «Ортните»), отправляется в поход в Сирию и сражается с сарацинами. В этом походе ему помогает «король Илья Русский» (*künec Yljas von Riuzen*), в некоторых случаях именуемый «королем диких (здесь: дальних. – А. М.) русских» (*künec von wilden Riuzen*)⁵. Собственно, и сам Ортнит оказывается русским по происхождению, так как Илья – родной брат его матери. «Илья Русский» появляется на первой странице поэмы и на протяжении всего повествования остается правой рукой короля Ортнита: несет его знамя, выставляет в бой 5000 воинов, с особым ожесточением бьется против сарацинов, становится крестным отцом невесты Ортнита. Некоторые детали поэтического рассказа вызывают соблазн прямого отождествления: так, например, в доспехе воинов Ильи «из блестящих стальных колец» (*in liechten stâlringen*) можно увидеть древнерусскую кольчугу⁶.

Публикаторы «Ортнита» связали исторический фон поэмы с событиями Пятого крестового похода (1217–1221 гг.) и констатировали хорошее знакомство автора с политическими реалиями 1220-х гг., которыми они и датировали создание поэмы⁷. В этом нет ничего удивительного. Пятый крестовый поход можно смело назвать «немецким»: учтенное Р. Рёрихтом количество немцев-крестоносцев в этом походе является одним из самых высоких среди всех крестоносных экспедиций [Röhricht, S. 97–118]. Отметим, что Пятый крестовый поход нашел отражение в древнерусских источниках, а именно в Типографской летописи в статье 6725 (1217/1218) г.: «Того же лета ходи король (венгерский король Андреас II. – А. М.) с угры и с немци в Иерусалим и бися за Гроб Господень с срацины и, не успев ничтоже, возвратився»⁸. А. В. Назаренко подчеркнул уникальность этого сообщения [Назаренко, с. 639–640]. Венгер-

В полной мере данная тенденция проявилась к концу XIII в.: в новом столетии Русь уже виделась из немецкой перспективы не как далекое и интригующее королевство (см. ниже), а как земля «язычников и схизматиков», объект крестовых походов (рейз) европейской знати и рыцарства, пик которых пришелся в восточноевропейском регионе на XIV в.

⁴ Ortnit und die Wolfdietriche nach Müllenhoffs Vorarbeiten / Hrsg. von A. Amelung und O. Jänicke. Berlin, 1871–1873. Bd. 1–2.

⁵ Ibid. Bd. 1. S. 12. О семантике слова «дикий» (*wild*) в данном контексте см.: [Keller, S. 92–93].

⁶ Ibid. S. 9.

⁷ Ibid. S. XVII, XXIV–XXX.

⁸ ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 87.

ский король уже в январе 1218 г. отправился в обратный путь, но «немцы» двинулись дальше в Египет и бились там под Дамией и Каиром до 1221 г.

События Пятого крестового похода имели большой резонанс в немецких землях. Отразились они и в историческом фоне поэмы «Ортнит». Но откуда в поэме появился Илья? Русская тема в немецком эпосе первой половины XIII в. связана с представлением о какой-то большой битве с неверным народом на востоке (в «Ортните» Илья сражается с сарацинами, в «Тидреке Бернском» – с гуннами). Трудно представить себе русского богатыря Илью, сражающегося бок о бок с немецкими крестоносцами в Сирии или Египте. Однако в Восточной Европе в это время состоялась другая битва, которая также имела большой резонанс. Речь идет о битве на реке Калке в 1223 г. Отметим, что в поздней русской традиции именно с битвой на реке Калке связывается гибель русских богатырей: рассказ о гибели Александра Поповича и 70 «храбров» в Новгородско-Софийском своде, былины «Отчего перевелись богатыри на Святой Руси» и «Камское побоище» («Как перевелись богатыри на Руси»). В этих былинах с татарами бьется и Илья Муромец.

Попытаемся связать воедино все обозначенные выше сюжеты и увидеть в них рациональное зерно. Выдвинем предположение, что какой-то участник Пятого крестового похода на своем обратном пути оказался на Руси и стал свидетелем драматических событий первого столкновения Руси с монголами. Этот гипотетический крестоносец мог принести в Германию сведения о богатыре Илье и о большой битве русских с новым врагом. Данное предположение может показаться фантастическим, однако именно такой рассказ мы находим в семейной легенде тюрингско-саксонского рода фон Плауэн, той его линии, представители которой со второй половины XIII в. носили прозвище «русские фон Плауэны» (*Reuss von Plauen*). Согласно этой легенде, Генрих, господин Плауэна и Геры, отправился в крестовый поход (среди его участников названы венгерский король Андреас II и австрийский герцог Леопольд VI – предводители Пятого крестового похода) и попал в плен к сарацинам в Египте (вместе с ним в плену оказался и другой крестоносец из Тюрингии, граф фон Глейхен). В плену Генрих провел 12 лет, пока его не выкупил русский купец и не привез с собой на Русь в качестве невольника. Но вот русский великий князь, рассказывает далее легенда, стал спешно собирать войско для битвы с татарами, немецкий воин был освобожден и отправился с ним в поход. Войско русских потерпело поражение, Генрих попал в плен к татарам и стал служить их предводителю по имени *Hoccata*. Во время похода татар в Силезию, когда они убили герцога Генриха Благочестивого и сожгли город Легница, немецкому воину удалось бежать и вернуться к своим. Генрих отправился ко двору императора Фридриха II, где произвел впечатление своим русским одеянием (!), император ценил его за знание языков (!) и рассказы о его путешествиях и приключениях (!). При дворе он получил прозвище «русский» (*Reuss*), которое и передал своим потомкам⁹.

В легенде есть очевидные внутренние противоречия и путаница в хронологии. Так, среди предводителей крестового похода, в котором, согласно легенде, участвовал Генрих фон Плауэн, названы король Андреас II Венгерский, герцог Леопольд VI Австрийский, ландграф Людовик IV Тюрингский. Это контаминация имен участников двух крестовых походов – Пятого (король Андреас, герцог Леопольд) и Шестого (ландграф Людовик). Данному обстоятельству можно найти объяснение в рамках самой легенды: в ней, помимо истории Генриха фон Плауэна, рассказывается и история графа фон Глейхена, который привез с собой из крестового похода жену-сарацинку и счастливо прожил с двумя женами, получив на такой брак даже разрешение папы римского. Это довольно известная история, которая на рубеже Средневековья и раннего Нового времени получила широкое распространение в немецкой культур-

⁹ Grässe J. G. Th. Sagenschatz des Königreichs Sachsen. Dresden, 1874. Bd. 1. S. 222–223.

ной традиции (оставляем без рассмотрения вопрос о ее достоверности). Путешествие графа фон Глейхена, реальное или мнимое, имеет твердую привязку к Шестому крестовому походу, поскольку он отправился в путь со своим сюзереном – ландграфом Людовиком IV Тюрингским, который умер во время этой поездки в 1227 г. [Röhricht, S. 121, 124–125]. Вероятно, на каком-то этапе авантюрные истории Генриха фон Плауэна и графа фон Глейхена оказались соединены в рамках одного нарратива, что оказало влияние на дальнейшее развитие легенды о фогтах фон Плауэн. Так, добавление 12 лет пленения к дате окончания Шестого крестового похода (1229 г.) приводило ко времени монгольского вторжения в Силезию (1241 г.) и могло послужить основанием для появления в легенде этого сюжета. Но событийная часть легенды о Генрихе фон Плауэне и особенно пленение в Египте определенно указывают именно на Пятый крестовый поход. Таким образом, в легенде есть все нужные нам мотивы, представленные в поэме «Ортнит»: поход против сарацинов, участие в войне вместе с русскими, большая битва на востоке. Легенда прямо указывает на роль Генриха как передатчика знаний о Востоке и о Руси. Трудно найти лучшую кандидатуру на роль человека, который принес в Германию рассказы о богатыре Илье.

Истории рода фон Плауэн в целом и его «русской» линии в частности посвящена обширная научная литература (основополагающей работой остается исследование Б. Шмидта [Schmidt], а также подготовленные им издания источников). Изучение генеалогии фон Плауэнов связано со значительными сложностями: все члены этого разветвленного рода носили имя Генрих; о том, почему так произошло, повествует отдельная легенда, также рассказывающая о крестовом походе против сарацинов и о смерти одного из членов рода в этом походе¹⁰. Не имея возможности подробно погружаться в данную проблематику, мы ограничимся в рамках настоящей статьи лишь предварительными наблюдениями. По времени на очерченную нами роль крестоносца и путешественника лучше всего подходит Генрих IV «Средний» (упоминается в источниках в 1209–1246 гг.), фогт Вейды, Плауэна и Геры, рыцарь Тевтонского ордена (с 1237 г.) и магистр в Пруссии (1242–1244 гг.) [Dorna, S. 228–230]. С меньшей вероятностью это может быть и кто-то из его родных братьев – Генрих III «Старший» (упоминается в 1209 – до 1224 г., также рыцарь Ордена) или Генрих V «Младший» (упоминается в 1209–1240 гг.) (см.: [Schmidt, Tafel 1]). Все три Генриха документально засвидетельствованы в окружении императора Фридриха II¹¹; по-видимому, три молодых фогта из Вейды принадлежали к близкому окружению императора и находились при его дворе после смерти их отца в 1209 г. [Dorna, S. 228]. Отметим интересное обстоятельство: имена братьев хорошо представлены в актовом источнике, за исключением довольно продолжительной лакуны в 1220–1224 гг. И первым документом после этого перерыва является акт, в котором Генрих «Средний» подтверждает Тевтонскому ордену дарения, сделанные его почившим старшим братом (в качестве свидетеля акта выступил и Генрих «Младший»)¹². Не побывали ли братья в это время в крестовом походе? Не погиб ли именно в этом походе Генрих «Старший», как о том повествует вторая семейная легенда фон Плауэнов? Ниже мы увидим, что некоторые основания для такого предположения существуют. Данная проблематика требует дальнейшего исследования, на этом этапе мы

¹⁰ Ibid. S. 223–224.

¹¹ См.: Urkundenbuch der Vögte von Weida, Gera und Plauen, sowie ihrer Hausklöster Mildenerfurth, Cronschwitz, Weida und z. h. Kreuz bei Saalburg. Jena, 1885. Bd. 1 (1122–1356) / Hrsg. von B. Schmidt. № 40 (1214 г.). S. 16–17; № 41 (1214 г.). S. 17; № 42 (1214 г.). S. 17–18; № 43 (1215 г.). S. 18; № 45 (1217 г.). S. 18–19; № 47 (1219 г.). S. 19; № 49 (1220 г.). S. 19–20; № 52 (1226 г.). S. 22; № 58 (1232 г.). S. 26–27; № 60 (1234 г.). S. 27–28.

¹² Ibid. № 50 (1224 г.). S. 20–21. Из поминальной книги монастыря Альтенбизен известен день смерти Генриха «Старшего» – 9 июля (Ibid. № 48. S. 19). Он умер в период с 1220 г., когда все три брата упоминаются как живые, и до выдачи упомянутого выше акта в 1224 г.

предложим общую реконструкцию возможного участия братьев из Вейды в Пятом крестовом походе.

Драматические события Пятого крестового похода хорошо освещены в источниках и имеют давнюю традицию рассмотрения в историографии. Поход проходил в сложных политических условиях, обусловленных соперничеством светских и духовных властей и распрями в среде крестоносцев. Император Фридрих II принял крест еще в 1215 г., но так и не выполнил свой долг христианского воина, что привело к затяжному конфликту с папой Гонорием III. В итоге общеимперский поход не состоялся, участие немцев свелось к разрозненным экспедициям в Сирии и Египте. Весной 1221 г. в Египет отправился большой контингент немецких крестоносцев, среди которых были представители высшей знати Империи, такие как герцог Людовик Баварский и маркграф Герман Баденский [Röhricht, S. 97–98]. Это были люди из ближайшего окружения Фридриха II, к которому принадлежали и три Генриха из Вейды. Отметим важные для нас персональные пересечения: в Альтенбурге в 1217 г. и в Госларе 1219 г. фогты из Вейды выступили свидетелями актов, выданных императором, вместе с Людовиком Баварским и Германом Баденским¹³. Таким образом, это был один и тот же круг придворной знати, окружавшей Фридриха II в годы подготовки (так и несостоявшегося) крестового похода с участием императора. Если предположить, что братья из Вейды побывали в крестовом походе, то наиболее вероятным является их участие именно в экспедиции весны 1221 г. – когда «за море» отправились «верные» из окружения Фридриха II, в ожидании, что в скором времени за ними последует и сам император. Для представителей имперской знати, принявших крест несколькими годами ранее, это была последняя возможность выполнить свой долг воинов Христовых.

6 июля 1221 г. крестоносцы двинулись из Дамьетты в решающее наступление на Каир [Runciman, S. 170–174]. На пути к Каиру развернулись ожесточенные бои, в которых крестоносцы понесли большие потери. Напомним в этом контексте известный нам день смерти Генриха «Старшего» – 9 июля. В конце августа крестоносцы потерпели сокрушительное поражение в битве под Эль-Мансурой, многие из них попали в плен или стали заложниками выполнения заключенного по итогам капитуляции мирного соглашения, включая названных выше Людовика Баварского и Германа Баденского. Вместе с этими известными нам по именам представителями высшей знати в плену оказалось и большое число простых крестоносцев; некоторые из них вернулись из плена лишь через многие годы. Таким образом, семейная легенда рода фон Плауэн, несмотря на отмеченные выше анахронизмы и неточности, довольно хорошо вписывается в хронологию политических событий начала 1220-х гг. Генрих из Вейды (по нашему мнению, скорее всего, средний из трех братьев), *мог* отправиться в крестовый поход в 1221 г., *мог* попасть в плен к сарацинам в Египте, *мог* быть освобожден и оказаться на Руси, *мог* принять участие в битве на Калке в 1223 г. и *мог* после своего возвращения в Германию в 1224 г. рассказывать при императорском дворе о своих странствиях. Сопоставление сведений легенды с данными исторических источников о роде фон Плауэн показывает, что они не находятся в противоречии друг с другом. Отметим, что эти данные, прежде всего архивные источники и генеалогические сведения, не были доступны публикатору легенды – известному немецкому филологу и собирателю древностей Иоганну Георгу Теодору Грессе (первое издание его «Сокровищницы легенд Королевства Саксония» вышло в 1855 г.) – они были введены в научный оборот в конце XIX – начале XX в.

Итак, легенда несвободна от фантастических элементов (12-летнее пленение, участие в битве при Легнице и проч.), однако она предлагает вполне рациональное и внутренне не-

¹³ Ibid. № 45 (1217 г.). S. 18–19; № 47 (1219 г.). S. 19.

противоречивое объяснение тому факту, что за одной из ветвей рода закрепилось прозвище «русские фон Плауэны». Впервые это прозвище документально фиксируется у Генриха фон Плауэна (упоминается в источниках между 1266/1274 и 1292 гг.), внука рассматриваемого здесь Генриха «Среднего» [Schmidt, Tafel 6]¹⁴. Но это именно *документальная* фиксация, которой могло предшествовать бытование прозвища в устной семейной традиции. Такое объяснение гипотетично, но оно, по сути, не уступает другим объяснительным моделям появления данного прозвища, например предположению о каких-то «восточноевропейских связях» первого Генриха «Рутенуса», осозаемых следов которых не выявлено, или версии о его браке с внучкой князя Даниила Романовича «Галицкого», целиком основанной на косвенных соображениях и допущениях (см.: [Домбровский, с. 388–394]). Более того, предложенная здесь версия имеет перед иными то преимущество, что опирается на предания самого рода фон Плауэн.

Подведем итог. Данная статья состоит из двух смысловых частей. Первая концентрирует внимание на проникновении в немецкое культурное пространство в первой половине XIII в. новых сведений о Руси. Некоторые из этих сведений уникальны (к ним относится и появление «короля Ильи Русского» в поэме «Ортнит и Вольфдитрих»), они свидетельствуют о каких-то экстраординарных событиях, которые вызвали большой резонанс у современников. Таким событием могла быть битва на реке Калке в 1223 г., которая в русской культурной традиции также связана с темой богатырей. Трансляция этих сведений предполагает наличие фигуры посредника, вне зависимости от того, удастся или не удастся нам его выявить из современной перспективы. Вторая смысловая часть предлагает конкретную кандидатуру на роль такого посредника на основе семейной легенды рода фон Плауэн. Данная легенда содержит все необходимые для предполагаемой нами трансляции элементы – участие в походах на Восток, пребывание на Руси, столкновение с монголами, актуализация «русской темы» после возвращения домой. При всех возможных позднейших искажениях легенда имеет в своей основе объективный факт – существование фамильного прозвища «русские фон Плауэны», известного с XIII в. Рассмотрение этой легенды в первом приближении показывает, что ее можно соотнести с историческими реалиями эпохи, а ее героя с конкретной исторической личностью первой половины XIII в. – Генрихом из Вейды, родоначальником династии фогтов фон Плауэн. Возможно, дальнейшие исследования позволят выявить иные пути трансляции сведений о Руси и имена других посредников. Но пока других кандидатур не предложено, пусть именно этот Генрих и будет тем крестоносцем, который сражался с сарацинами и монголами, оказался на землях Руси и привез оттуда рассказы об этой стране и ее богатырях.

Литература

- Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1906. Т. 11. Кн. 3. С. 1–190.
- Глазырина Г. В. Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 192–202.
- Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015. 880 с.
- Иоаннисян О. М. Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005. С. 31–70.
- Клейнбергер И. Э. «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // Летописи и хроники. Памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 129–136.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических отношений IX–XII веков. М., 2001. 784 с.

¹⁴ В форме *Ruthenus, Reuss, Ruze, Ruse* и т. п. (см.: Ibid. № 136. С. 71–72; № 172. С. 87–88; № 236. С. 117–118; № 241. С. 119; № 259. С. 126; № 273. С. 132; № 300. С. 144–145). Разночтение в дате первого упоминания (1266 или 1274 г.) вызвано тем, что Б. Шмидт поставил под сомнение подлинность первого акта.

- Dorna M. Die Brüder des Deutschen Ordens in Preußen 1228–1309. Eine prosopographische Studie. Wien; Köln; Weimar, 2012. 473 S.
- Keller M. Perspektiven: Vorstellungen von „Riuzen“ in der deutschen Literatur des Mittelalters // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9.–17. Jahrhundert. München, 1985. S. 84–109.
- Röhricht R. Die Deutschen im Heiligen Lande. Chronologisches Verzeichnis derjenigen Deutschen, welche als Jerusalempilger und Kreuzfahrer sicher nachzuweisen oder wahrscheinlich anzusehen sind (c. 650–1291). Innsbruck, 1894. 169 S.
- Runciman S. Geschichte der Kreuzzüge. München, 1960. Bd. 3. Das Königreich Akkon und späteren Kreuzzüge. 602 S.
- Smidt B. Die Reussen. Genealogie des Gesamthauses Reuss älterer und jüngerer Linie sowie der ausgestorbener Vogtslinien zu Weida, Gera und Plauen und der Burggrafen zu Meissen aus dem Hause Plauen. Schleiz, 1903. 70 S.

References

- Dombrovskii, D. Genealogiya Mstislavichei: pervye pokoleniya (do nachala XIV v.) [Genealogy of the Mstislaviches: The First Generations (Before the Beginning of the 14th Century)]. Saint Petersburg, 2015. 880 p.
- Dorna, M. Die Brüder des Deutschen Ordens in Preußen 1228–1309. Eine prosopographische Studie. Wien; Köln; Weimar, 2012. 473 S.
- Glazyrina, G. V. Il'ya Muromets v russkikh bylinakh, nemetskoj poeme i skandinavskoj sage [Ilya Muromets in Russian Epics, German Poem and Scandinavian Saga]. In *Metodika izucheniya drevneishikh istochnikov po istorii narodov SSSR*. Moscow, 1978. Pp. 192–202.
- Ioannisyan, O. M. Romanskije istoki zodchestva Vladimiro-Suzdal'skoi Rusi vremeni Andrey Bogolyubskogo (Germaniya ili Italiya?) [Romanesque Origins of the Architecture of Vladimir-Suzdal Rus of the Time of Andrey Bogolyubsky (Germany or Italy?)]. In *Vizantiiskii mir: iskusstvo Konstantinopolya i natsional'nye traditsii*. Moscow, 2005. Pp. 31–70.
- Keller, M. Perspektiven: Vorstellungen von „Riuzen“ in der deutschen Literatur des Mittelalters. In *Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9.–17. Jahrhundert*. München, 1985. S. 84–109.
- Kleinenberg, I. E. „Dedrik Bernskii“ v Novgorodskoi I letopisi [“Dedric of Bern” in the Novgorod I Chronicle]. In *Letopisi i khroniki. Pamyati A. N. Nasonova*. Moscow, 1974. Pp. 129–136.
- Nazarenko, A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh otnoshenii IX–XII vekov [Old Rus on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Relations of the 9th – 12th Centuries]. Moscow, 2001. 784 p.
- Röhricht, R. Die Deutschen im Heiligen Lande. Chronologisches Verzeichnis derjenigen Deutschen, welche als Jerusalempilger und Kreuzfahrer sicher nachzuweisen oder wahrscheinlich anzusehen sind (c. 650–1291). Innsbruck, 1894. 169 S.
- Runciman, S. Geschichte der Kreuzzüge. München, 1960. Bd. 3. Das Königreich Akkon und späteren Kreuzzüge. 602 S.
- Smidt, B. Die Reussen. Genealogie des Gesamthauses Reuss älterer und jüngerer Linie sowie der ausgestorbener Vogtslinien zu Weida, Gera und Plauen und der Burggrafen zu Meissen aus dem Hause Plauen. Schleiz, 1903. 70 S.
- Veselovskii, A. N. Russkie i vil'tiny v sage o Tidreke Bernskom (Veronskom) [Russians and Wiltins in the Saga of Tidrek of Bern (Verona)]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. Saint Petersburg, 1906. Vol. 11. Book 3. Pp. 1–190.

*Aleksey V. Martyniuk
Independent Researcher, Minsk, Belarus*

GERMAN CRUSADER AT THE KALKA BATTLE: THE FIRST MENTION OF ILYA MUROMETS?

This article examines the appearance of “Ilya of Rus” in the German epic tradition of the 13th century using the example of the poem “Ortnit and Wolfdietrich”, which is considered a reflection of Ilya Muromets’ figure. The author states that the penetration of such information to Germany was connected with the wide resonance of the Kalka battle in 1223. The study of the von Plauen family legend suggests the participation of a real historical person, Heinrich of Weida (mentioned in sources in 1209–1246), ancestor of the vogts von Plauen dynasty and their line “Reuss von Plauen”, in this battle.

Keywords: German epic tradition, poem “Ortnit and Wolfdietrich”, “king Ilya of Rus”, Ilya Muromets, Kalka battle, the Fifth Crusade, “Reuss von Plauen”, Heinrich of Weida

